

МАСКА, Я ВАС...

ВИКТОР БРУСНИЦИН

Виктор Брусницин

Маска, я вас...

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Брусницын В. М.

Маска, я вас... / В. М. Брусницын — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Загадочная криминальная история, сопряженная с захватскими чудесами. Главные герои — биолог Петр и бывший следователь Андрей, французы Антуан, ученый, и аристократка Мари. Фантомас, некая мистическая величина и его отпрыски. Путешествие во времени и пространстве от Франции времен Людовика-солнце и современной до Москвы и Урала. По стилю — сочетание простоты и замысловатости, юмор, профессионалы находят оригинальный язык и сюжет.

© Брусницын В. М., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Часть первая

Иные, конечно, не помнят, а существовал воплощенный Жаном Маре персонаж – Фантомас. Шороху гражданин в нации наделал немало, что же вы хотите относительно восприимчивого юного населения.

Танюха Митина, рыжая конопатая бестия, свои десять лет всецело отдала деревне и принадлежала к породе особей, скажем так, с широким диапазоном начинаний. Цивилизация тогда веси не обходила и сельчан героем не обездолила. Словом, было предпринято совещание с закадычной подружкой Светкой и на крепком и белейшем, добытом особыми ухищрениями ватмане каллиграфически случилось выгравировано: «Мне нужен труп, я выбрал вас. До скорой встречи. Фантомас». Уведомления тайным методом доставили до надлежащих адресатов.

Возьмите деревню. Мечтательный народ (зимы, делать нечего), нередким числом пьющий (мечтается под это дело исключительно), стало быть, воинственный как минимум в половых плоскостях и, значит, чующий за собой проступки. На другой же день у Марьи Петровны, учительницы по русскому, что наемни посулила Танюшке пониженный результат в четверти, имела место рассеянность. Впрочем, учиха периодически вперялась в подопечных, скулы обострялись и зубы принимались кусать нижнюю губу.

На перемене Танюшка горячо шептала в ухо Светке:

– А!? Ты видела, как сваялась! У, невзгодина, доскется еще у меня.

К вечеру в сельпо – лобное место – посмеивались относительно депеш. Сколько их произошло, точно не знали, предъявлены обществу случились две. Сенька Ухо (он недавно навалил старшему Светкиному брату), тридцатилетний конюх, пропеченная пьянь, приверженец трехэтажной и кулачной аргументации, маниакальный фрондер (ему принадлежал знаменитый форс: «Ты мне, блефуска, палец в рот класть остерегись – обкорнаю мгновенно»), обладатель поразительной рыбацкой удачливости и многих еще забубенных особенностей поведения – чистый ангел, словом. Единица кичился документом, гордо покачиваясь и доказывая, что он бы сыграл не хуже Жана Маре, а если насчет Милен Демонжо (артистка на роли подружки главного героя), всякие там «о-ля-ля» у нас не проходят, а делается так. Сеня вытягивал руку с растопыренными пальцами, с силой скрючивал их и затем выворачивал кулак, утверждая: «И на калкалыгу... и привет, Маруся». Бабы кисло смеялись, тряся бюстами, и презрительно отворачивались.

Второй потерпевшей произошла рослая продавщица Нюся (не дала Танюхиной маме вперед товар, за что та звонко получила от папы Миши по «рундуку», «корме» и так далее – длинный перечень обозначения бывшим моряком зада). Тут было тоньше. Нюся поносила матом Колю-Васю, хахалю и по совместительству механизатора, которого якобы турнула пару месяцев назад (всем было известно, что Коля слинял сам, не выдержав взгального характера местной знаменитости), настаивая, что эти гнусные происки – дурацкая месть бесславного ухажера. Здесь реакция всякой вновь подошедшей покупательницы была практически одинакова: она изготавляла сочувствующую улыбку, а дальше начинала бегать глазами. Вне же досягаемости ушей Нюси все сходились на том (полушепотом), что список инициаторов пакости имел внушительный потенциал. Сенькин прецедент в расчет не брали: так, очи запорошить.

Занимательно, что ни один посетитель не заподозрил детской шалости – Танюшка со Светкой (первая по преимуществу) разжились возмущением. Даже мама, которой было рассказано о магазинных новостях, причем с настырным прищуром, обрадовалась каверзе и неотлично от народа предложила свой кадастр заинтересованных, но и мимолетно не выразила подозрения в творческих наклонностях дочери. Самолюбие той искрило.

Соответствующий ход имел такой образ. Двум персонажам – Маше Боковой, местной красавице (причина? – а вот так, нечего нос задирать, выбражуля, понимаешь, номер пять) и Егору Ершову, красивому же, однако мало проникнутому этим обстоятельством убежден-

ному конюху (исключительно, выходит, из удобства доставки) – были переправлены карточки следующего содержания: «Явись в позоре, пробил час – ты будешь первой (ым). Фантомас». Однако уже на другой день события приняли тот характер, когда предпринимательство становится весьма чреватым.

Сеню обнаружили мертвым. Он захлебнулся, извините, в собственной блевотине. Ну, с кем не бывает – а Сене-то и помочиться в общественном месте, что сморкнуться. Милиция даже особенных исследований не производила – все было ясней неба. И только когда представители органов, упаковав преставившегося, исчезли за поворотом – народишко, понятно, не особенно спешил разойтись – кто-то вспомнил о Фантомасе. Надо взять, воспоминание нашло горячий отклик, толпа, начавшаяся было разряжаться, дружно сомкнулась и гвалт приобрел отчетливые децибелы.

– А может верно, с запиской-то – совсем не шутка? – выразился кто-то непосредственно.

– Подь ты к чомору, – предложил иной.

– Все-таки Сеня пусть непутный был, а пел отменно. Да и навозом широко обеспечивал.

– Ну, печень, положим, он совсем не водкой угробил, а бобы жрал непомерно. Бобы-то не всякому, не в Китае.

– Поживи-ка – еще как сковырнешься.

– Нда, переборщил на этот раз. Отлучился с лица земли капитально.

– А кулаками безобразничал, не отнять.

– Бог дал, бог взял.

– Однако впрямь, каково поживется, таково и отрыгнется. Квит ровнехонько в яблоко.

Некто вспомнил, что на сеансе в пресловутом фильме Ухо громко чихал и сморкался. Другая призналась, что Сеня по бухлу отрицательно отзывался о товарище Фандоре – журналист в фильме – в том смысле, что он таких в армии мочил, как пьяных комаров.

– Иэх, в гробину так, и тяпну же я ноне, ох и встряхнусь! В дрезину! – тоскливо и радостно выразил мнение Егор Ершов, тоже из горьких, стало, верный собутыльник Уха – очередной сливок общества.

Однако настоящую жизнь сходка приобрела после того, как тетя Паня Пивоварова плеснула по варикозным ляжкам равновеликими руками и истерически сообщила:

– Сариса небесная! Да вы записку-то его видели? А я ведь от и до разглядела. В углу-то гумашки сыфра стояла. Девять. С места не сойти.

Все онемели – на дворе стояло девятое сентября. Занимательно, что отнюдь не усомнились в подлинности тети Паниного видения. Притом никто, нечего сказать, толком не разглядывал метку, мало того, никак не могли дословно воспроизвести текст, но все помнили, что речь о сроке шла. Начали на многие лады воспроизводить. Возникло предложение пошмонать по незамысловатой мебели – может, где под клеенкой, как водится, очерк оставлен – однако забылось за репликами. Между прочим, пыркнулась и Танюшка: она довольно зычно пропищала содержание поэмы, за что чувствительно была ущипнута смекалистой Светкой. Слава богу, на потрясающую осведомленность никто внимания не обратил, тем более что история приобрела гораздо кучерявый оборот. Кажется, Степан Данилович, бывший председатель, догадался:

– Дэк это, у Нюски присутствует факт. Надо-ка сверить.

Народ, было, дружно тронулся, однако угрюмый и, пожалуй, азартный гомон прорезал испуганный возглас:

– Ляксандра, что с тобой?

Все застопорились и устремились взглядами. В сторонке белая как мукомол стояла Варвара Александровна, заведующая почтовым отделением (с год назад топталась интенсивная и пакостливая молва на основании того, что папа Миша превышающее всякое благообразие количество раз заглядывал в избу почтмейстерши), рот ее был уродливо раззявлен, глаза

рвались из тела. Толпа замерла в почтительном созерцании. Варвара очнулась, губы плотно сомкнулись и затем потянулись в улыбку из тугой резины, ресницы нервно захлопали и изо рта выпали звуки:

– Да нет, я ничего... опаздываю... домой надо.

Она развернулась и невероятной походкой отчалила от населения. Красноречие происшедшего превышало любую возможность.

– Вот так номер!.. – озвучил по исчезновению бедолаги историю Юрий Карлович, библиотекарь. И вслед сказанному нахмурился, нечто вспоминая. Оживился. – Однако Варвара кино не смотрела, это я досконально знаю. В городе была, у дочери.

– Буди там и сходила на сеанс, – вякнула тетя Паня.

– Да нет же – обсуждали, – остался неумолимым библиотекарь. И дальше совершил совсем худое – развел руки и молвил вполне от души: – Странный выбор...

Юрия Карловича уважали. Уже потому, что наличествовала немецкая кровь. Бывший агроном, придирчивый к ударениям в словах, он имел обыкновение, сурово глядя исподлобья, вращать мысли, которые неизменно по прошествии срока обретали нужный путь. Вообще крепкий человек; судите сами, не отказывал дать займы, и – внимание – ему всегда возвращали. Иначе сказать, воцарилось гробовое молчание. На лбы полезли морщины, глаза покрылись флером, пальцы рук нервничали – народ дружно ударился в статистику собственной безнравственности... Добавьте, еще и Данилович веско булькнул:

– Дэк о том и речь, не в кинештука.

Впрочем, он же эпидемию и прервал, тронулся, собрание кволо потянулось следом.

Надо сказать, день пришелся дивный: нередкое солнце, умело шныряющее меж вальжанных облаков, жидкий ветерок, веющий основательными запахами свежих заготовок, тонкие звуки неприхотливой природы, пронзительный настой размеренной и не скудеющей жизни. Шли по заулку, вытянувшись между колеистой, заполненной длинными, смазливими лужами дороги, и плевелом, бурно растущим вдоль заборов. Говорить было бессмысленно – опять арифметика, стало быть.

В разум привел дружный топот по обширному крыльцу магазина, в лад загомонили. Нюски на месте не оказалось, ее замещала – вещь небывалая – помощница, недотепистая и курносая Лидка Карамышева (да ведь и такая гожа хоть для сравнительных комбинаций – горазды мы собственное благополучие разузнать), еще и перепуганная нашествием.

– А что вы хотели, – констатировал Юрий Карлович.

Понеслись комментарии: дело в том, что на умиротворенного Сеню Нюся, конечно, взглянуть прибегала и даже имела прищур глаз (Сеня владел очередной коварной особенностью на любую привередливую акцию Нюси отмачивать универсальную контрадикцию: «Не хвались баба широкой п...»), но тут же упылила будто на работу – а кому ж руль доверить. Оказывается, совсем не на работу. Куда? Лида оторопело и невразумительно мычала.

Все прояснилось ко времени, Нюся принеслась. Ворвалась в магазин, следом ухваченный за рукав понуро тащился Коля-Вася, невзрачный, если б не богатые кудри и чуб, мужичок, едва не на голову пониженного сравнимо с Нюсей размера.

– Вот, полюбуйтесь! Охламон ты, охламонище, – настойчиво шумела она. – Тварь распоследняя и некультурный человек! А еще на мотоцикл денег добавила!

Нюсю дружно успокаивали. Она делала картинно-карикатурные позы, как то: интенсивно терла виски, не забывая следом подшаманить прическу, откидывала в сторону лицо, распаивала навстречу сопернику глаза и прочее. Очевидцы ловились только так – Нюсю гладили, терли, заговаривали. Впрочем, выныривало и впрямь горестное нытье:

– Что я тебе сделала, гад. Ы-ы, – Нюся совала в нос зазнобе справку.

– Не мой почерк, – непреклонно тыкал Коля-Вася в выведенные печатной методой буквы эпистолы, кидая в другой угол рта гармошку «Прибоя».

Степан Данилович ответственно перехватил предназначение, хмуро вперился.

– Ага, есть циферь! – победно сообщил он. И пошел тягуче, равномерно смурнея, глядеть в Нюську.

Помещение вмиг покрылось недоброй тишиной. Взгляды следом за экс-председателем уткнулись в продавщицу.

– Чего это? – хватко почуяв недоброе, испуганно лепетнула избранница.

Тишина продолжилась, взгляды аналогично. Нюся закрутила головой, враз позабыв о Нехорошем... Не удержалась тетя Паня – вестимо, что с хабалкой она существовала при горячих недоразумениях:

– Понимашь, Нюсенья. Этта неладно получается. У Сеньки-т в бандароли сьффра стояла. Девять. Што ись, ровнѣхонькѣ девятое сѣдне. Кумекашь?

Нюся скумекала – икнула. Глаза ее неимоверно расширились, рот значительно разомкнулся, и вся она, кажется, надулась точно дирижабль. Слабый за слоем шейной плоти кадык размашисто заходил, уничтожая слова. Все уважительно не шелохнулись... Однако Степан Данилович вдруг ожил, резко уронил голову и вновь вонзился в циркуляр.

– Вот черт! – воспаленно воскликнул он. – А у Нюськи циферь – четыре.

– Ыыыы! – незамедлительно завyla Нюся, глубоко запрокинув голову.

Народ молча и непроницаемо смотрел на гражданку, прочесть чувства было недоступно, предположить – что угодно. Самым чудесным образом повел себя Коля-Вася, он, обретавшийся прежде за крупом главной героини, вдруг как бы повалился и ткнулся головой в обширную спину любимой, охватив руками богатую талию... С этой парой было покончено.

На другой день наладил влачиться дождь, однако лобное место случилось посещаемо. Дело в том, что вчера ввечеру имела место депутация к Варваре Александровне в лице вездесущей тети Пани и Юрия Карловича (тот сопротивлялся, но Данилович увещевал библиотекарю тем, что Варвара единственная выписала как-то «Войну и мир»).

Бледность почтмейстерши имела право на существование, ибо зловещий манускрипт действительно состоялся, а пуще прочего в оном содержалась цифра десять. Юрий Карлович остался удручен ипохондрическим видом подруги и выражением в лице даже безнадежности. Был, например, дан совет не ходить завтра на работу и вообще отчалить в город, наконец пожевать ревеня или, надежней, принять пургена (слабительные), что по заверению полукровки нейтрализует любые душевные перипетии.

Итак, гневные комментарии царили:

– Диверсия сплошь и рядом, – излагала тетя Паня. – Чо жо, эко место, куда смотрит милисыя. В Кочневой робята кочету шею свернули, так в районе дело завели, а Сенещкю завернули и только видели. И вырву, што ись, не понюхали – а может там дуст.

– Ек ту скоро придут да пирог из печи начнут вынать, – сложив руки на пузе, обиженно поджав губы и гордо отклонив голову, пламенно поддакивала бабка Куманиха, большая поклонница кого-либо шпынять.

Преисполненная и словоохотливая Нюся – пассия вчера сбегал за пожитками – громогласно пылила:

– Лучших людей теряем (подозреваем обладание посланием – ну не о Сене же)! Я говорила, французскими-то фасонами улещаться, от навозу – до добра не доведет.

Юрий Карлович, как раз отоваривавшийся, осерчал, повернулся к бабам:

– Воете ровно шавка подле покойника. Верно сказано: хорошее слово – христово, дурное – бабское. Пока что отлучился только Ухо. И то – причина... м-м... изрядно земного толка.

Нюся прокалила взглядом и, нагло своротив с не устоявшихся весов гирьки, назначила стрелке верхнее значение амплитуды.

Деревня находилась в нервном ожидании. И оно было вознаграждено: нынче же к вечеру из города прибыл несколько утраченный муж Варвары Александровны. Как только пронесся

слух о визите, деревня скопилась неподалеку от избы Варварушки. И не напрасно, в доме решительно происходил скандал: звучали верхние тона обоих участников, и даже нечто вызывающее подозрение в рыданиях. Правда, все скоро смолкло, и над баней закурился дымок. Однако сходка не оказалась даровой.

Племенной бык Антей, трехлетний парубок, страдал. Фрося, сами понимаете – волоокая буренка весьма игривого склада, что недавно поступила в совхозное стадо, будучи отданная бабкой Фисой Тащиловой за некоторую сумму, покрывшую покупку швейной машинки. Черт его знает, откуда они берут эти повадки – непотребно мотать хвостом, стрелять ушами, крутить шей и, особенно, тревожно, весьма колоратурно и совсем неурочно мычать. Может, набираются в мирской, распоясанной жизни? Нет же, Антоха общался с аналогичными представителями, председатель Иван Ильич Фирсов пускал периодически частных на совхозную зеленку.

Кем точно был Тоша в прошлой жизни неведомо, однако явно нерядовой особью. Весьма допустимо, гвардейцем кардинала и очень даже имел глаз на какую-нибудь маркизу де... , ибо наглядны случились прирожденные повадки. Парень, скажем, мог, весело взбрыкивая задними мослами – чем не антраша – пронестись мимо Фроси, а затем, виртуозно развернувшись, замереть афронт любезной, низко склонить голову и, игриво фыркая, вращать точеные рога, несколько кося карими очами и предлагая какую-либо невинную забаву. Однако Фроську подобное обхождение абсолютно не брало, именно на такие выходки мадам индифферентно замирала, не переставая мусолить жвачку и уставившись в кавалера, и неодобрительно мукала с очевидным противопоставлением к ответному ходу. При всем том она категорически предпринимала вышеописанный характер и терлась подле Василия, угрюмого и комолого быка низкопузой конституции, длинный и землистый, в репьях хвост которого вечно колотил, безрезультатно гоня шершня, по облезлым чугунным бокам. Обвислая и отягощенная непрезентабельной ниткой слюны челюсть его неизменно поперечно ходила – прерываясь исключительно, когда вытянув шею, тягуче, в регистре контрафагота Вася вякал что-либо крепкое – и взгляд был равнодушен и вместе бесконечно самоуверен. Не иначе сия натура вдохновила на анекдот относительно «не суетись, спустимся с горки и пере... все стадо».

Пробовал наш Ромео учинить этакое вельзевульство, именно, ковыряться в пику Фросе рогами в цветистых боках совхозных телочек, что те воспринимали вполне должно – отбрыкивались и жантильно убегали, норовя при этом угодить в угол выгона, то есть заведомо обрекаясь на западню – но и это не пронимало. Требовался сильный ход. И Тоша таковой нарыл, как обстоятельства к месту возымели стечение. И оценим изящество демарша.

Раскрасавица Мария Бокова, манерная молодуха, вылуцивая семечки, с презрительным выражением лица стояла согласно ранжиру чуть в сторонке от основного кагала, что кучковался малость искоса избы Варвары Александровны. Подле, внимательно следя за дымком бани, тараторила вечный ординарец Нинка:

– Петро Тащилин из городу с чувой приезжал. Вся из себя, в крепдешине, складка сзади до самого гузла. На скрипке будто пилякат... И у него куртка вельветовая на молнии. Пижон.

– Фи, ничего в ней особенного – нос плугом, ногти лысые. – Маша вытянула перед взором откормленный безымянный ноготок. – А Петька хоть после института, вовсе невидный и рукава рямканые.

– Сам в очках и эта щурится... – услужливо вторила подруга. – Ноне будто опять «Лимонадного Джо» привезут, нового нету. Катугин баял.

Иначе сказать, имели место прения. В лад кудахтали не собранные еще во дворы куры, заливались птицы, солнце расторопно валилось в марево горизонта.

И тут случилось невообразимое. Наш Антуан неожиданно выскочил из соседнего с Варвариним двора, отчаянно взбрыкивая, точно на родео, и начал неосмотрительно носиться по

улице. Кодло ахнуло и вжалось в ограду. Только Маша надменно сохраняла позу. Действительно, она была хороша в сей миг корявый, инда прилепившаяся к губе скорлупка ей необыкновенно шла. И над всей этой недосыгаемостью надругался Антоха. Что им овладело, поясним после, а теперь он подлетел к девице и почти от земли судорожно вздернул голову. Ситцевое белое платье в горошек, зацепленное рогом, взмыло вверх, точно у Мэрилин Монро, треснуло и обнажило розовые байковые рейтузы. Мария очумело завизжала, Антей испуганно пустился наутек – куры, чертыхаясь, сыпанули в стороны, кобелек погналась за озорником, надрывно тьявкая. Шокированная девушка вслед поступку зачем-то тронулась подпрыгивать, дико повизгивая и предоставляя собранию меж разваленное до пояса платье сокровенные виды. Затем остолбенела, окунула голову в причиндалы и, уже ровно, безобразно воя и неаккуратно запахиваясь, побежала, напрочь уронив былую статью.

Ну что ж, поясним сотворившееся. Соседка почтмейстерши, бухгалтер Артемьевна, будучи кумой зоотехника Колчина, элементарно зафрахтовала Антея на предмет случки со своей Зойкой. Процесс с самого начала категорически не пошел: Зоя всячески предлагала себя, Антон артачился, Артемьевна извелась.

А что, собственно, вы хотите? Ну хорошо, Антуан готов служить на совхозном поприще, но частники... все-таки не о дровах речь – отборные посеы. В общем, голубой ген возмутился. (И с чего вы взяли, что незабвенный образ маркизы де Фросей не владел бычачьей психикой?)

Со стороны счетоводства были приняты самые радикальные меры, начиная от смачного ненорматива, вплоть до вожжеприкладства. Последнее и стало опрометчивым: хозяйка неосмотрительно ненадежно закрыла загон, намерявшись сбегать за кумом, чем и воспользовался гордый осеменитель. А когда, вырвавшись из ограды, наш принципэ увидел шалман, заподозрив перформанс, да еще некоторых в надменно-презрительных позах, да – куда уж дальше – при горошках, буйный аристократизм выбрался наружу...

Тем временем акция произвела настоящий фурор. Народ заволновался, сгустился, и стусок изрядно рычал.

- Бык-от очумел, в кои веки на людей кидатса!
- Да это же Антей, совхозный бычок! Добрая скотинка, издалёка выписывали.
- Погодите-ко, а что он у Артемьевны забыл?
- А кумовал, не иначе.

Хлопнула себя по ляжкам тетя Паня:

– Мне этга Артемьевна жалобилась, будто корова быка ишшот. Неурядная, с отела три месяца минуло и толькё ноне охота пошла – пьет-де да мычит. Верно, решила баба на Антея.

Впрочем, гребень скоро проскочил, прения пошли на спад... И тут было отменно добавлено. Либо с испугу, а скорей всего, прочувствовав шанс – именно она располагала сведениями способными добить общество – Нина отрапортовала о поступившей вчерашним днем к Машке грамотке, отчеканив притом наизусть текст: «Явись в позоре...»

И точно, вече замерло. Собственно, упал ветер и птицы умолкли, только сбитый с толку петух сыро и обиженно где-то далеко пройкал.

- Число, число? – очнулся Карлыч.
- Нет числа! Тире есть, а число пустует, – торжественно заверила Нинка.
- Вторая волна произошла обильней, народ случился радостно напуган.
- Нет-нет, все это неспроста.
- Батюшки святой! – тетя Паня нагло перекрестилась.
- Машка-то меченая нынче. Замуж теперь – неизвестно.
- А я толковал председателю – в страду фильму запретить.
- Тожно всех под галочку оприходовают... – хныкая, пророчила Лидка Карамышева.
- А ты не кукуй!
- Што ись, милисью вызвать.

– И не только милицию, тут и до органов недалеко, – с гневным прищуром примазалась учителька Марья Петровна.

Особенно нервничал Егор Ершов, причитал:

– Мне, бляха, на него бы живьем посмотреть (на кого – было не особенно понятно)... И потом – «Голос Америки», это Сенька слухал. Мне только пересказывал.

Там уж и совсем сюрреалистическое мелькнуло, бабка Куманиха безапелляционно теснула:

– Антей-от... вот так с анфасу (Куманиха ладонью перекрыла нос и ниже)... глаза, лоб и чёлка... шибко на Маре смахиват.

– Не собирай, ково звоняшь! У того волосы русые, а наш совсем рыжий, – прекословила вечный антагонист тетя Паня. Куманиха взвешенно урезонила:

– А послушай-кя зоотехника – быка-т из Франсьи добыли.

Все хмуро сморгнули – это была чистая истина. Возмущенный Данилович пресек:

– Ну, вы... того! Рассуждаете тут глупости, договоритесь до несусветного... Вызграло ретивое, со скотины каков спрос! Машка девка баская, вот и...

Теперь, надо быть, доложим. Среди прочих находился Миша Семенов, неказистый, угреватый парень в третьем десятке как по годам, так и остальной иерархии... Какие реакции возбудило в товарище байковое неглиже Маши, не станем разоблачать, однако осветим следующее. «Вот уж точно, час пробил», – пронеслась отчетливая мысль. Он разберется в этом темном деле.

Дело в том, что Миша после армии работал в милиции, причем в городе. Правда, через год его оттуда нагнали «за превышение полномочий» да еще и по пьяни, но кое-какие методы, будучи въедливым, гражданин усвоил. Кроме того, Михаил обладал не хилой детективной библиотекой, которой позавидовал бы и другой городской. Ну и главное – персонаж страдальчески и втихую имел личный вид на Марию Бокову.

Ночью, сами понимаете, Мишель не спал: он рассматривал версии. Таковых сложилось три.

Первая: после Сени осталась превосходная рыболовная снасть, на которую Миша давно положил глаз, и будет несправедливо, если кто-либо иной завладеет имуществом, ибо именно он был самым ярым напарником Уха по рыбалке. Вторая. Всегда надо начинать с имени, оно что-нибудь да означает и прилежно оформляет мотивацию, это еще Рекс Стаут надоумил, который про сыщика Ниро Вульфа шпарит гораздо, и надобно покопать, что за фрукт такой Фантомас, и ненавязчиво перетереть на сей счет с Карлычем, как он относительно словарей большой дока. Третья: следует внимательней присмотреться к быку Антею. Миша селезенкой чувствует, тут дело непростое. Да сами возьмите, фразка Даниловича: «Машка девка баская, вот и...» И верно, какова ненаглядная Мария на быков взгляд и как могло случиться, что именно она? Тут же азартно сверкнуло: Бокова – от Быкова очень недалеко.

С третьей гипотезы Миша заход и сделал. Загадку доморощенный Ниро решал вполне эффективным способом визуального наблюдения. То есть на другой день уполномоченного можно было видеть в пределах досягаемости совхозного стада. Как то: на поскотине, затем рядом с выгоном подле фермы, куда загоняли животных в предвечерье. Когда наш аристократ припер по уже описанной методе очередную пегую и холеную телочку в угол ограждения, Миша сказал себе: «Ага!» Более того, состоялось выпито с пастухом Герой, мужиком без возраста, вечно пришибленным на вид, – неукоснительные чёботы, обкусанная с обвислыми полями шляпа на затылке, щетина – лоб его был разрезан на три равные части в молчаливой позиции, но когда дядя соображал говорить, доли оживленно менялись и мерещилось, будто экземпляр говорит не то что думает. Довелось проведение аккуратного дознания.

Устроились в неказистой пристройке к ферме, что служила складом для нехитрого скарба, которым, собственно, Гера заведовал, и где в летние периоды ютился. Топчан, стол вполне справный, множество мух по окладу грязного, в радужных размывах окна.

– Хороша, – дипломатично крякнул Михаил после порции предусмотрительно принесенной белой и хрустнул огурцом.

– А какую, Михо, я брагу пил, – мечтательно опроверг Герасим. – Заморского звания. Дух важный, мухи только так дохнут.

– Где добыл?

– Вито Куманин, я ему цепь на мотоцикл спроворил.

Миша коротко хохотнул. Подобный рецепт был известен, Витька угощал за рыбу. Самогонку он гнал из затейливого настоя плодов и аниса (отсюда и называл «ананасовая»), и доказывал, что вещь на иностранный манер не требует закуски, и действительно, жидкость распространяла отчетливый смрад, хоть на употребление была довольно сносна. В соответствии леску пошевелил:

– Да Куманин же подкузьмит без оглядки.

– Вито? – расстроился хозяин. – Ни в жисть! Я доверенностью к нему обладаю отнюдь.

Михаил смолчал кратко и продолжил тонкое плетение допроса:

– У Куманиных коровенка знатная. Ярославская?

– Ёптыть, кака ярославская, обыкновенно холмогорка!

Пауза. Миша:

– На покосе даве литовку ухлопал – трава добрая.

– Ага, и комбикорма богатые.

Михаил применил глубокий ход:

– Ручаюсь, хранилище так и не починили. Видит бог, латать обратно только по дождям начнете.

Потребно пояснение. «Ручаюсь... видит бог» – это было из арсенала излюбленного толстяка и еще более язвящего Арчи Гудвина, его помощника – как последний сложился особью завидной наружности и боевитости. Применять эти и штучки типа «чертовски приятно», «как вам это понравится» сложилось назойливым пунктиком Михаила. В особенности хотелось запустить как-нибудь в присутствии Маши Боковой: «Я не из пугливых... не советую шутить». Между прочим, Миша даже пытался выращивать... нет, не орхидеи (финт из быта Вульфьча), раздобыть таковые не представлялось реальным – герань, тогда цветок был самым доступным. Словом, применить оружие Миша не преминул.

Отдадим должное, замёт впечатление на Геру произвел: мужик угукнул и с размаху хряпнул налитую меру, предварив: «Выпьем по всей, чтоб повеселей». Собственно, теперь можно было приступать к насущному:

– Ну а как у тебя в хозяйстве – есть какие... (Миша повилял ладошкой) события из ряда вон. – Налил вдогонку.

– Нок неуж! – незамедлительно обхватил резервуар Гера. – Два бидона сперли... Да хрен с имя. А соляру на генератор опять вовремя не поставили, насос мимо, говно от коров пришлось самим лопатить. Механики не дают, шулюяли соляру по деревне – за телочку у Данилыча нарobili.

– Дела... – квело согласился Миша. Поморгал. – Нет, я про стадо, – виновато хихикнул, – про Матильд (всякую корову Гера отчего-то величал Матильдою) – тут книженция попалась, оказывается, организованная жизнь.

– Ты насчет Антея ли-чо-ли?... – сходу осознал подследственный, у Мишки смущенно ерзула щека. Гера выплеснул дозу из стакана точнехонько себе в горло, сунул в нос замурзанный конец рукава, шумно втянул воздух. Грубо отодрав зубами кусок хлеба, забубнил: –

Лешая скотина. Ночью, слышь-ко, зашуршит, затрется о тѣс, и вся ферма пошла ходуном. А этот замолкнѣт и ушами лупат.

Миша вляился.

– Иди ты!

– Крест на пузо! Опеть жа мычит, ровно песню поет. И копытами скѣт впопад – будто барабан шшолкат. Дело нечистое... И ты понимаеш, ни одну корову не покрыл – тот еще вельможа. Председатель на Колчина буровит, деньги-де в прорву, а тот руки разводит. – Гера виртуозно свернул из «Пионерской правды» махорку и радостно скривился в пахучем облаке.

За окном прогудел далекий сигнал паровоза. Отчего-то овладело гораздое чувство уюта. И тут смуглое помещение вдруг озарилось. «Ё-моё, а Машка-то музыку любит, вестимо, – резко екнуло в натуре сыщика. – Про Аиста великолепно натурально исполняет...» И стукнуло. Мать твою, да ведь и Сенька певец был известный. Более того, они с Марией не раз в самодеятельном концерте дуэтили... Миша даже стакан, торчащий подле лица, опустил, вылупив без адреса изумленные глаза.

– Этта леша имал у запруды, – оживил Гераська. – Красноперая тожо. Эх бы сеть... Вот у Сеньки бредень – пропадет зря.

– Я к карьерам ходил, карася брал на морду.

– А бражка-т у меня имеется, ты не скучай.

Миша бодро разлил остатки водки.

– И как ты тут, Гера, живешь?

– А чего – живу, хлеб жую. Мухи, дух? Так дух-от кондовый. Назѣм, он кальцию дает, а кальция – кость, фундамент. Без фундаменту крыша худа.

– Откуда столь необходимые сведения?

– Колчин бает... И других не последних разумею.

Гера встал, потянулся в некую нишу в стене и хлопнул об стол талмуд. Миша удивленно воззрился в книгу «Французская революция». Гера поразмышлял и ахнул еще одну, при этом лихо ляпнул: «Вуаля». Эта произносилась – «Капитал»... Миша несколько втянул голову, потрогал фолианты для достоверности и вытарачился на пастуха:

– Да ты грамотой-то ежели на пример – обладаешь?

– Не сомневайся. Вот матушка тебя родила, кормила, пестовала... ну там школа, партия и прочая мудо – дебет. А как людям соответствуешь – кредит.

– Эка! – Миша имел сморщенный лоб. Тут же, впрочем, приобрел недоверчивый взгляд, обстоятельно ощупал помещение. – Гляжу, однако, газет, приемника нет. – Осторожно спросил: – Ну, кино про Фантомаса смотрел, допустим?

– Это ты про карточки?.. – (Миша шмыкнул: второй раз каналья сходу расшифровал происки.) Пастух хитрым оком воззрился в собеседника. – А хошь намек? С конца надо заходить.

Михаил стушевался: неужели действительно Герка разоблачил следовательскую сущность собутыльника? Не может быть.

Прощельга тем временем обострил взгляд.

– Вернее так, начать надо с имени («Проклятье!» – сверкнуло в Мише). И с конца.

– Не понимаю, о чем ты! – попытался откреститься разведчик. – Да и какая мне разница – все это шалости, муть. Что насчет бражки?

– А ты все ж подумай... – наставительно буркнул Гера и полез в закрома. И уж усевшись обратно, внимательно разливая влагу по емкостям и скорчив улыбку во всю рожу, произнес вкрадливо: – Я, брат, арию Германа-т еще сполню, за душу ущипну...

Оно и дальше Герасим все аккуратней вводил в недоумение. Вот, скажем, его рассуждение: «Ну, а если ты, на подобии, помер? Вот что я тебе, товарищ мой, заверю. Смерть – штука склизкая, не каждому по плечу». Раз, перед тем как умять очередную порцию, омахнулся крестом и восклицал вполне истово: «Воздвигни мя, господи, во гресях всяческих люте расслаб-

ленного!» И уж совсем аховое, которое выдал гражданин на последующий вопрос Миши: «А в бога ты, предположим, веришь?»

Герасим хватил, грозно подышал и лукаво улыбнулся:

– Господь – он, дело прошлое, существует, только к людям никакого отношения не имеет... – Теперь важно расправил плечи. – Поясняю ситуацию. Бог, парень, это время. Оно как обстоит вещь? Время всевластно – раз, бесстрастно – два, необъяснимо – следующее. А главное, брат, все умещает... Время – творец абсолютный, им созданы и ведомы крайние категории – жизнь и смерть. Бог, он... рогатый, а человек – круглый. Однако для размера ты плесни, душа ибо киснет... – По воспитанию, еще и добавил, глубокомысленно, как натуральный паяц, подняв палец: – Раки, они, приятель чудесный... зимуют.

Под закатное очарование сельчане наблюдали: Миша зигзагообразно подступал к дому. Был порядочно пачкан коровьим делом, плюхался, видать, на лепешках. Без кепки – не иначе утерял.

...Ночью приснилось. Миша чинно ступает с Марией по далеко не безлюдной улице, рука прелестницы преданно покоится на локте кавалера.

– Чертовски приятный денек, ты не находишь? – лениво бросает Миша, пользуясь словарем Рекса и витиевато пуская дымком сигареты «Джебел» (угощали в милицейские годы, не беспокойтесь).

– Ах, мне страшно к лицу кофточка, которая ваш подарок.

– Как тебе понравится, если мы припозднимся на танцы, поскольку заглянем в магазин – отовариться кульком пастилы.

– Если вам будет угодно, Михаил.

Они проходят мимо избы бабки Фисы, ворот, амбара. Вдруг из проулка выскакивает Антей и на оперный фасон блажит человеческим голосом:

– Кто может сравниться с Матильдой моей!!

Машка грохается в обморок, бык бросается прочь, а Миша, разрываясь от одновременного желания пуститься за обидчиком и поплевать в лицо любимой, дабы охладить зной испуга, делает дедуктивный поступок – закуривает. Говорит: «Я не из пугливых», – и, размыслив, постановляет, что происшествие просто так оставлять нельзя. Не успевает докурить сигарету, откуда ни возьмись появляется Герка, глядит на парня со звериным оскалом, замахивается длиннющим кнутом, грозно цедит: «Сеть Уха ты не получишь. Тожно у меня отведаш...» – и, изобразив восьмерку, сильно бросает вперед руку. Обрыв...

Миша резко проснулся, грудь томило холодом. Гулко моталось сердце, держал распахнутые глаза – терзала мгла. Голова налилась темным сознанием – политика Антея стала очень ясна. «Быка немедленно арестовать!» Миша повернул голову, к окну приник жидкий рассвет. Отвернулся, воспаленные мысли постепенно унялись, но мерзкое нытье в мозжечке расторопно осваивалось. Парень угрюмо всунулся под одеяло, однако сон не брал. «Герка, черт – что-то в нем есть странное... Начать надо с имени. И с конца. Хм... И это – про арию, смерть...»

Пара последующих дней происшествиями обездолила, и деревня ударилась в быт, буде заготовительная пора. Таким образом, внедрилась суббота. Танцы.

Нынче возле клуба народу теснилось справно. До кино из репродуктора на клубе шуровала какая-то бесхозная музыка симфонических кровей, звуки плавали в густом воздухе и ронялись, но уже торопились иные, и происходила очень симпатичная толчея. Пляски шли после фильма, а сегодня привезли «Лимонадного Джо», которого гнали уж третий раз. Вещь веселая, но двадцать копеек жалко. Зал был практически пуст и вне его, на скамейках вдоль клуба, молодежь наизусть предваряла реплики, что звучно доносились из помещения.

Собственно, кино это лясы, разминочная артикуляция, господствующей тематикой разговоров случилось: явится ли нынче низложенная прима, усердная воображала Машка Бокова?

Явилась. Юбка плиссированная, обтягивающая водолазка, бусы, чулки с безукоризненным швом, босоножки на платформе, «конский хвост», вызывающе длинная стрелка ретушированных верхних ресниц. Впрочем, припозднилась, под «Твист эгэйн» долбали уже напропалую. Впрочем, как в мужском, так и в женском стане отсутствовала обычная поспешность в приветствии, и, напротив, имели место ехидные ухмылки. Маша квели вихлялась под очередные ритмы в компании верных спутниц, Валюхи Ратниковой и Нинки, однако губы были плотно сжаты.

– А волосы у Машки жидкие, конский хвост ей вовсе не идет. И вообще, в городе давно сесун носят, – шел не очень и робкий говорок в сумрачном углу площадки.

– И плиссировка мелкая... Моей сестре в Белоярке дядька сапожки чешские достал – бли-ин, закачаешься!

– Ну-ка посмотри, у меня шов не сбился?

– Чего приперлась – так опарфенилась!..

Танцевать в обществе подружек считалось заурядным делом. Машу, понятно, парни всегда бойко приглашали, однако девица была далеко небезотказна. Собственно, ее согласие считалось знаком – поощренному изобильно и услужливо протягивались сигаретки. Нынче ритуал имел ущербность – посягателей не наблюдалось. Притом, что площадка была населена густо: во-первых, как раз состоялся традиционный заезд студентов и с десятков разнополых, окучиваемых взглядами от угрюмых до любопытствующих, теснились в отдельной зоне, во-вторых, присутствовали парни из соседней деревни Некрасово. Эти были малочисленны, однако при Ваньке Докучаеве, чрезвычайно нахальном здоровяке, что владел обыкновением задирается и служил детонатором небезобидных стычек... И теперь, кличку Ваня носил – Бык.

Местные парни сосредоточились и разряжались обычными залпами веселья, показной суеты, матерками, но невроз чувствовался – взгляды имели место, и их значение не просматривалось. Словом, Иван и создал претензию к замечательной Марии. В очередной музыкальной партии он вразвалку подошел к троице и, ощерившись углом рта, собственно, и взгляд держа посторонний и вялый, процедил:

– Изладим? Ты, Маш, как?

Нельзя сказать, что гражданка иностранцам прежде отказывала, однако демарши с некрасовскими были явно провокационного свойства, ибо все понимали: единственным достойным претендентом был Юрка Зазулин, кучерявый, плечистый комбайнер, год как пришедший из армии и заочный студент. Он чаще других имел право на проводины и прочие мелкие поощрения, и, пусть без явных признаков взаимности, составлял наибольшее соответствие.

Нынче все выглядело иначе. Тем более что в отличие от предыдущих случаев Бык и после танца нагло терся подле красавицы. Словом, ситуация назревала. И сложилась... Случилось за пределами площадки – детальный раскрой анналы утаивают – впрочем, суть состоит в том, что в ответ на оскорбительные действия местных основная война некрасовскими была обещана назавтра. Дескать, ждите, родные, в полной нашей амуниции.

–

Баталия учинилась добротная. Арена для бучи как водится располагалась в центре деревни, на площади перед церковью. Ну да, существовала в селе Измоденово справная когда-то матушка, нынче хоть хорошо облупленная, но вполне крепкая (функционировало сооружение как элеватор). Арьергард некрасовских прибывал на телегах, мотоциклах и велосипедах (тянулась следом кучка малых в качестве зрителей) – разведывательное местное пацанье предупредительно принеслось со счастливой жутью. «По местам», – сурово распорядился Зазулин.

Ватага недругов, шумно выехав на оперативный простор, с рвением соскакивала с повозок. Подсобное вооружение составляли главным образом ремни – так принято, воевать исклю-

чительно кулаком считалось честью (кастеты и колющее были запрещены строжайше). Впрочем, до древесины дело доходило частенько. Бык, аккуратно спрыгнув с телеги, картинно расправил плечи, широко расставляя ноги, вышел вперед – два шага сзади держались братья Ваулины, конопатые, похожие как два блина – на лице торчала умильно-издевательская улыбочка.

– Ну что, фраера, порассуждаем на идейно-политическую тему! – гнусаво пропел он. – Это ты что ли, Зазуля, сильно борзый-на? Так подойди на вытянутую. Или я сам приближусь – не гордый.

Юрка, он же Пересвет, Ослябя и прочее качество, стоявший впереди остальных, на манер боксеров бочком подскочил к товарищу. Пружинисто мелко подпрыгивал, поводя плечами и покачивая на уровне плеч упругие кулаки. Бычара маневра не понял, звезданул приткному с крупного размаху в ухо – тот слетел с позы. Однако резво вскочил, чуть ошарашено покрутил головой и, дерзко выругавшись, ринулся на анти. Слились в экстазе. Дружины, восторженно блажа, сомкнулись следом. Вот оно – процесс, сарынь на кичку, раззудись рука, «мы ломим, гнутя шведы». Поэзия битвы, отчетливая рифма кулака.

Солнце хмуро паялилось сквозь изодранные, тяжелые облака, шумливый хоровод воронья угрюмо сосредоточился над происшествием. Как вы понимаете, воскресить ажиотаж дословно невозможно, согласуясь с цензурными соображениями. Отсюда воспроизведем только допустимое. Лобное крыльцо, тщательно обсыпанное семечковой шелухой, гудело женскими головами:

– А впялят нашим – прошлый раз Тольке Тащилину ребро сломали.

– Не суди, наших боле будет.

– Да Ванька Докучаев, холера. Кулак-от пудовай.

– А!? Вот и Быка улестили! Юро по роже резонно смазал.

– Хо-хо-хо! Басок парень...

– Сано Старицын косит – ядрено.

– Так он боксом умеет.

– Некрасовской-от, лысой – буди из Веригиных.

– Но-ок, Феоктисты Паловны внук.

Валюха Ратникова не без пламени замечала:

– А ладные у них есть. Ленька Мухин.

– Фикса нисколечко не золотая. Берилевка, – орошала Нинка.

Мария, заметим, гордо молчала. Ясно, кто причина Бородина...

Воинственно пригнал на бричке Ершов. Он вообще имел привычку носиться по деревне стоя, с отчаянным грохотом, крутя над головой вожжи и лихо свистя. Без Сени, конечно, было не то (на пару в боях они показывали высокие результаты), однако ажиотажу внес, сходу втесавшись в грудь. Наголо стриженный парень из противного стана, например, пряжкой отчетливо угодил Егору по ребрам. Тот выгнулся, сморщился, бросился к ближайшему пряслу, выломив дреколие и прокричав: «Ах ты залупа конский!!» – отменно погонял супостата.

Коля-Вася – этот прибыл напрямиком на мацепуре – облокотившись о перила крыльца лабаза, жадно со свистом, гораздо втягивая щеки, сосал папиросу. Невольно, в соответствии с пейзажем коротко дергал плечами, хрипло и тихо рычал: «На... В сопату... Ха ему в глаз...» Нервно бросил об пол окурки, топнув, размазал и, вскрикнув «А, ссуки!», ринулся.

– Колька, сволочь! – озабоченно и вместе гордо пискнула вослед Нюся. Данилович рядом безмолвно, стиснув зубы, подпрыгивал на сильно согнутых ногах.

Миша Вульф на баталию припозднился – рыбалка оттянула. Однако концовку зацепил. И внятно. Когда он втиснулся в любезность, сразу угадал именно на Быка. Тот потрепан был справно, отсюда при озлоблении. На Мишу таковое и переместил – ахнул в глаз сердечному сугубо, неделю око сияло. Словом, все чин-чином. Если бы не...

Это случилось, уже когда председатель Фирсов и Юрий Карлович вбежали в ареал сечи и громогласно потребовали изменить поведение. Молодежь утихомирилась, признаться, быстро, все отслонились друг от друга и, покрикивая хрипловато и обессилено, сплевывая кровь и зубы, рассредоточились хоть и не браво, но, по крайней мере, в вертикальном виде. Впрочем, не без угрожающих ремарок и обещаний относительно «еще сочтемся, копите больничное белье». Последним поле брани покидал Докучаев, он, солидно припадая, измято вообще и, что характерно, немо, плелся – сил явно не оставалось сообщить что-либо язвительное. Заметим, как раз выюркнуло солнце и некий заинтересованный петух, увлеченно расположившийся на плетне, оттрубил, по всей вероятности, отбой. И тут...

Никто впоследствии так и не смог уточнить, откуда он взялся. (Помимо следователя Миши – но об этом чуть погодя.) На арене образовался дружище Антей. Он выбежал в центр поляны и вкопано остановился. А далее очень внятно и веско произнес: «Бо-о!!!»

Надо сказать, появление его не вызвало резкого удивления – вероятно, сражение удалило впечатлительность – и только Ванька Докучаев обернулся всем корпусом, долго и внимательно смотрел в сородича. И затем, подмигнув – это подтвердили позже все очевидцы – развернулся и почапал дальше. То же самое совершил бык: мигнул (правда обеими глазами), сделал оборот и потрусил прочь по проулку, что шел чуть вбок от церкви на Верхнюю улицу... А вот наше обещание насчет Миши. Он был готов поклясться: в тени проулка мелькнула обвислая шляпа Герасима.

Здесь-то все и увидели. Саня Старицын, родной брат Светки, неподвижно лежал в неглубокой впадине.

Саша получил солидную травму. Его увезли в районный центр – там недавно построили новую больницу – ставить диагноз, на худой конец, подлечить (интересовалась районная милиция, но Фирсов все взял на себя)... Справедливости ради отметим, относительно неподвижности судачили не сильно – жив и ладно, случай не единственный. Пересудов в связи со сражением вообще было много. Ершов, например, утверждал: «вкекежил» Старицыну дрыном Ванька. Сзади. Поверили, разумеется, преочень.

Вечером того же праздника раскрылся секрет с записками – Светка не сдюжила, коль скоро испытала сильное переживание за брата, ибо диагноз поставили серьезный. Дело в том, что, когда в больнице парня передевали и родные забрали окровавленную одежду, в кармане пиджака обнаружилось начертание Фантомаса из первых – «мне нужен труп». Мать взвыла. Светка перетрусилась и второпях выложила всю шутку. Записка же, дескать, родному брату была адресована исключительно из озорства, поскольку тот недавно угостил родственницу дюжим шлепком по случаю продажи парня родителю в одном щекотливом обстоятельстве.

Был обнародован перечень. Кстати о цифрах – проставляла таковые Света произвольно, исключительно в качестве лепты, потому что основную работу проделала подруга. Танюшку, к слову, как зачинщицу, папа Миша для одобрения общества выдрал... Так на другой день состоялось окончательное непотребство.

–

Вечерело, в воздухе была рассеяна несколько трагическая пыльца заката, макушки старых развесистых тополей славно горели золотом в лучах низкого солнца. Стоял умеренный и достойный звон уставшего дня. Подле сельпо дежурно кучковался народец – обсосав в который раз войну, перешли на мирное время. Куманиха, взбодрив голову и доказательно поджимая нижнюю губу после каждой фразы, информировала: «робятенюк», что родился у Пястовых, на Володьку вовсе не похож, а в Ратниковскую породу. Тетя Паня, однако, настаивала, что родинка за ухом у парнишки куда как Вовкина... Вдруг Танюшка Митина ошалело и громко ойкнула. Все, взглянув на нее, обернулись, следуя выпученному взгляду. И увидели...

На коне, резвой иноходью, на фоне зари, по церковной возвышенности передвигался на виду всего собрания некто. Осанка была безупречна, выездка чудовищно воскрешала Сеню

Ухо – он аналогичным образом, бывало, имел привычку продефилировать по деревне. Правда, наряд незнакомца был противоположен. С плеч красиво, покрывая зад коня, свисал тонкий плащ. На голове красовалась маска, неотличимая от той, что недавно продемонстрировал в фильме известный злодей. Будьте добры пожаловать – мсье Фантомас, собственной персоной. Он проехал перед церковью – мерный цокот копыт бил, точно колокол – и, степенно завернув за крыло, исчез.

Акция имела бесподобный эффект. Зрители обмерли, Нюся всей тучностью, плашмя хлопнулась в обморок. Тетя Паня тоже стала заваливаться, но ее подпер Данилович. У Куманихи исчезла речь и апоплексическим образом перекосило щеку. Однако самый замечательный факт был таков – Егор Ершов основательно опростался. Вначале-то никто не заметил – уж когда маленько слегла оторопь, кто-то обратил внимание, что волосы конюха торчат дыбом, и затем, охватив пострадавшего взглядом, все увидели разъехавшееся пятно на штанах и лужу под мужиком, а помимо, фундаментальный запах. Словом, Егорушка вышел из всех отхожих отверстий. Сам оказией не проникся, потому как оживал долго. И только очнувшись и углядев соблезнующие взгляды (все очень понимали случай), окунул голову вниз – достигши реальности звучно сматерился, засучил ногами и суетливо и скомкано улепетнул.

Помните? Второе послание относительно позора было адресовано именно Ершову. Этот факт составил ужас ничуть не меньший, чем само явление товарища Фантомаса, ибо заподозрить девчат и вообще тут явилось чересчур нахально – тем более после признания. Еще, – это взял на заметку Миша. Именно Ершов самым основательным образом грешил в случае со Старицыным на старания Ваньки Быка.

Состоялись мелочи. Вечером Танька, укорённая, наверняка, физическим претерпением, надела на подельницу, имея в виду дефиле Фантомаса, возмущенно пыталась: «Ты – признавайся!»

– Честное пионерское, не я! – перекрестила грудь Светка. – Ты чо, ополоумела ли чо?! Где я тебе маску возьму – да еще плащ! – Догадалась: – Я ж с тобой рядом стояла!!

По лицу Танюшки, однако, ползало сомнение. Расходились девчата молчаливые. А на другой день Света слегла с воспалением легких, поместили в одно учреждение с братом. Родители болезной надели на подруженьку, однако та божилась, что относительно Светки официального документа не было. На всякий случай отчаянно ревела... Между тем события приобретали принцип совершенно уже убедительный.

На пятидесятилетие октябрьской революции тренировали концерт. По масштабности мероприятия готовить празднество учредили загодя, поскольку приурочен случился смотр самодеятельных сил районного размаха с нехилой перспективой: отобранных представителей планировалось готовить к ударному ноябрьскому концерту в городе. Отклик у населения инициатива имела – сноровист народ на показную реализацию. К осени разноплановая картина всего представления сложилась отчетливо. Номера выковыривал тщательнейшим образом Иван Ильич Фирсов, председатель колхоза собственноручно.

Весь реестр оглашать не станем. Нашему вниманию насущны песенные соло постепенно переходящие в дуэт. Маша Бокова и Семен Карамышев, он же Сеня Ухо. Перечень: «Рудырьдз» (репертуар Миансаровой), «Не спеши» (Кристалинская), – это, само собой, Мария. «Шли поезда» (Мулерман) – Ухо. «Алеша» – дуэт. Вы чувствуете компромиссный набор? Завзятая лирика, технично – именно на Сене, слегка компрометирующих свойств представителе – переходящая в пафосную патриотику.

– Ты мне, пьяно-форте, – тряс кулаком перед носом отщепенца Иван Ильич, – на шесть ноль исполнишь! – Лаконично сулил: – Иначе.

– Пьяница проспится, а дурак дураком останется, – заковыристо отчебучивал Семен.

Возвращаемся в аутентичность – Сеня унялся. Фактической замены Уховым данным не наблюдалось: маломальский певец Саша Старицын и тот отлучился. Помимо, на очередную репетицию не явилась и Маша – провеял слушок, что порча платья в горошек брызнула крупным отпечатком на вообще. Иван Ильич испытал негатив.

Значится, Ильич отирал о решетку налипшую на подошвы грязь перед крыльцом Боковской избы. «Доброго здоровьица», – размеренно кивал в кулуарах. От уважения не отказал в миске супа и впритык налитой стопке. «Маш! Без тебя, это и ежу понятно – нету ресурса», – зычно внушал потупившей в дол прекрасные очи девице. Папаша Боков хмурил брови, хищно обмерял глазами уходящий в рот недостаток и сопел, олицетворяя нейтралитет. Терпеливо слушавшая нотацию девушка в некий момент вскрикнула: «Я его ненавижу!» – далее, уронив табурет, бросилась прочь. Изумительно, что воцарилось молчание, сопровождаемое так и не произнесенным вопросом – «кого?» В итоге председатель нахряпался с отцом героини, другом незабвенного детства.

– Да гори оно синеньким... – отчаянно произносил Иван Ильич. – Сучишься, как вошь на гребешке.

Тем не менее, развитие событий приобрело положительный наклон.

Заведовала клубом Таисия Федоровна, она же Тайка, женщина в возрасте «ягодка опять» артистических забот – в молодости жила в городе, пробавлялась в народном хоре. Теперь, естественно, руководила деревенским искусством, как то: капелла, сольная эстрада и даже вполне звонкий оркестрик. Втайне завидовала Маше по всем параметрам: молодость, красота, голос – еще десяток ингредиентов.

Когда обозначилась сдача позиций Ивана Ильича, глаза мадам наполнились необъяснимым блеском, маячила пертурбация – Тая хоть не обладала тем шелковым сопрано, что несправедливо достался Машке, однако пела грамотно и доходчиво. Да, регенту не пристало солировать, но теперь замена была уместна, застарелые творческие позывы обретали воплощаемую форму. И – в полный рост открывалась куда как сокровенная перспектива!..

Весь укус состоял в том, что в самодеятельности участвовал хорошо знакомый Коля-Вася. Самодеятельное искусство мужика – баян – прежде проходило вторым планом, теперь менялся и репертуар и вся конструкция концерта – уж сейчас-то дама лапочек не разожмет. Таисия замыслила народный акцент, что предполагало увеличение, фигурально говоря, ее контуров и, соответственно, организовывался фавор баяниста... Откуда, спросите вы, такие щекотливые извивы? Что ж, продаем культуртрегера с потрохами.

Во-первых, Нюся. Как всякая рядовых особенностей гражданка, Тая часто имела не только пренебрежительное отношение со стороны элиты, но и прямой недовес, что, понятно, корежило высокую душу. Во-вторых, игривых ракурсов чуб комбайнера. Тщедушие Коли-Васи и противоположная комплекция Нюси очень развивали сальное воображение сельчан. И... Федоровна обладала дебелистью абсолютной сходной с Нюськиной – зов инстинкта в нашем персонаже читается запросто.

И прекрасно – как говориться, ваше слово, товарищ маузер. Таисия Федоровна шевельнула крыльями... Однако нате, происходит непостижимое, в клуб на одну из репетиций заявляется Мария с кошмарным заявлением. Она все-таки встанет за честь малой родины, но с условием – в дуэт вместо Уха пойдет... Кто бы вы думали? Не станем томить, без того немалое предстоит... Герасим! Да-с.

Смех на сообщение имел место. Однако следом нарисовался Иван Ильич и сжато произнес: «Попробуем». А дальше пастух заявился самолично, и присутствующие уже приобрели вытянутые лица.

Гера был гладко выбрит, отменно причесан – выяснилось теперь же, что он возраста где-то Ухова. Костюм, тютелька в тютельку лоснившийся на нем, оказался известен исключительно по фильмам, и то иностранной закалки. Кроме – Герасим обаятельно улыбался и даже произ-

нес фразу: «Жё не манш па сис жур», – в которой угадывался ни дать, ни взять французский язык. Уже не говоря о том, что мужчина весьма прилично осуществил вокал... Фурор! – на следующий день разговоров только и было.

Здесь и вспомнили, что Герасим в молодые годы подвизался по цирковому искусству, служа в городской труппе и выделявая какие-то страсти акробатического порядка под куполом. Оттуда и уронился однажды, грубо повредил позвоночник, вследствие чего воротился в вотчину и сполз постепенно по причине употребления в пастухи. Как видно, со сценой был коротко знаком. Общие балясы, выходит, чутка унялись.

Таисия Федоровна ничуть не намеревалась упустить звездный час. Точил вопрос: что предпринять против председательского авторитета? Воспаленная и тщательная голова отыскала решение – соцсоревнование. Тая выставяла альтернативный ансамбль, против подобного кунштюка никакой председатель не посмеет возразить.

Дело в том, что невеста Пети Тащилина, прямого племянника Таисии, Марианна как раз заканчивала консерваторию по классу скрипки. Два вечера длились умасливания, добила старинная шаль. Но и это не все. Студенты, что ежегодно сентябрь жили в деревне, трудясь по уборке картофеля и иных культур, традиционно же привлекались завклубом к искусству и готовили к окончанию практики небольшой концерт. Нынче по случаю грандиозности доморощенной подготовки их не тревожили, и сейчас нашелся повод возместить упущение, тем более что первокурсники сами изъявляли инициативу. В соперничающую команду были привлечены двое, а общий состав принимал такой вид: фортепьяно, вокал – Таисия; баян, вокал – Коля-Вася; скрипка – Марианна (здесь подразумевался особый акцент), студенты – гитара, ударные.

Чубастый, тем самым, состоял в обоих коллективах. Опрочь того, в альтернативном он нагружался и вокалом. То есть сотрудничество с хлопцем всяко выходило при особой привилегии.

– Мы еще посмотрим, кто исполнит коду! – было сказано с прищуром глаз.

–

Минуточку, а как поживает дедуктивный метод, которым излюбленный Ниро владеет нимало не хуже Холмса? Иными словами, чем озабочен наш верный друг Михалко?.. Таким образом, получите: ведать конферансом на знаменитом представлении уловчил назначение именно он, – понеже быти обладатель милицейского, луженого голоса (считалось, что в органы парня взяли исключительно по этой причине – «В пустой бочке звона больше», ставила диагноз бесцеремонная Нюся).

– У Герки-то какова фамилия? – спросил Михайло на одной из репетиций Юру Зазулина. И то, объявлять артиста как-то следовало.

– Да откуда у него фамилия – «не пришей рукав» какая-нибудь.

Миша угукнул, поскучнел. Вяло пошел оглядывать сцену, примеряясь, видать, к действию. Вдруг замер, брови стиснулись, соорудив глубокую морщину, явно что-то засвербело. Рот открылся, парень втянул голову в плечи, глаза стали круглыми и выпуклыми, точно у земноводного.

Вот что ударило в голову... Герина пристройка, где в разведочном обстоятельстве употребляли водку. Унылая стена из золистого бруса, иссеченного крупными трещинами, с механическим скарбом, висящим неряшливо на беспорядочных гвоздях. Скудное, не вполне прозрачное окно. И в углу нелепая, когда-то веселенькая, теперь замызганная, потрескавшаяся и с оборванным углом афиша: «Воздушные акробаты, братья Самотновы».

Сколь терпеливо в назойливые вечерние минуты одиночества колдовал Миша над словом «Фантомас», помня загадочный посыл Герасима: «Вернее так, начать надо с имени. И с конца». Что он имел в виду – может, перевернуть фамилию? Ну, попробуем: Фантомас, Самотнаф, сам-от-наф. «Чушь какая-то», – так и сяк крутил настырное слово сыщик. Теперь прянуло: Самотнаф – Самотнов. Мамочки дорогие!.. Отчетливо шевельнулись волосы на затылке,

спазм стиснул горло, воздух прекратил поступать – сверкнуло: «Я, брат, арию Германа-т еще сполню...»

–

Итак, события наращивались. Минуты таяли, теснясь к грандиознейшему всех времен и пространств концерту.

Генеральная репетиция была назначена на двадцать девятое сентября шестьдесят седьмого года. Погода произошла так себе: скучно томилось непристойное месиво облаков, ветер был сыр и пронырлив, тонко шевелились ошипанные купы тополей, обиженное твяканье негустых галок усердно интонировало поступь бытия. Сумерки нахлобучились подозрительно скоро.

Зрителей не пускали, однако человек собралось довольно – судите сами, два эстрадных коллектива, народный хор плюс пара танцевальных номеров, да еще из сельсовета курирующие лица. Сиял обильный свет, стоял праздничный и где-то нервный гул. Что надо отгуляли хор и плясуны, Таисия Федоровна имела деловито-возвышенный вид – черного бархата платье с уместной ниткой под жемчуг ей необыкновенно шло (обалденный вид Машки даже оттенял вкусовые достоинства руководительницы). Впрочем, все оказались на загляденье, и общность в этом духе ничуть не умеряла индивидуальности.

Миша был суров и одержим, его голос звенел металлом неземного происхождения. Он, собственно, присутствовал начеку в намерении остро держать ухо: единственный понимал, что уже здесь может какое-либо произойти (мозг чаще настраивался на то, что основной удар Герасим нанесет на самом смотре).

– Следующие номера программы будут исполнены эстрадным коллективом «Ивушка плакучая»! Солистка и душа ансамбля – Мария Бокова!.. – Миша изобрел мягкий поворот головы – взмах руки, пальцы изящно, веером раскрылись из ладони. Перечень продолжился менее вдохновенно: – Гитара – Юрий Зазулин...

На пастухе – он произнесся последним – Михаил сделал выход.

– Герасим Катугин – вокал... – Миша задержал дыхание. В недружественный объект устремился прищуренный, пронизывающий взгляд. Таковой прошел мимо, ибо вокалист вождественно и туманно глядел в предполагаемую публику и склонился в импозантном поклоне.

Миша пуше обострил зрачки, зычно, отчетливо прозвучало:

– Бывший воздушный акробат, участник группы «Братья Самотновы»... – Пауза произошла невеликая, едва ли не более красноречивая, чем звуки. Голос чрезвычайно возрос. – Герасим Самотнаф!! – Окончание фамилии «аф» почти прорычалось.

И попало – Гера метнул явно смятенный взгляд. В низинах зашелестел сельсовет... Оглашалось содержание выступлений, в ходе чего Миша периодически палил взорами недруга – теперь безрезультатно, тот не мигая смотрел в зал.

Отработали Плакучие похвально: Маша произошла вдохновенна – сцена, конечно, была ей к лицу, – Гера на «Алеше» взял тембр близкий Гуляевскому и вообще смотрелся весьма, даже Коля-Вася, увлекшись и клонясь согласно растягиваемым мехам, чуть не ляпнулся со стула (тогда баянисты сидели). Только Юра Зазулин, возможно, не вполне оправившись от недавней битвы, тренькал на акустической гитаре безобидно.

– В заключительной части концерта, – гордо шпарил наш Стентор, – вы ознакомитесь с новоиспеченным коллективом, возглавляемым Таисией Федоровной Тащиловой. Она же вокал и партия фортепьяно... – Мужик щегольски излагал реквизиты участников. Подытожил: – Мы впервые ознакомимся и с певческими способностями нашего уважаемого комбайнера Николая Васильева. Да, живучи таланты в трудовом человеке...

Озвучивание номеров... Поехало.

Чтоб чересчур не затягивать, отметим, что Марианна, например, выдала «Полет шмеля» под эстрадный аккомпанемент только так. Таисия была пригожа, и Коля-Вася наяривал вполне

справно. Остановимся на студентах, собственно, на гитаре, партию которой делал рыжий, гладенький парнишка Олег.

Пикантность состояла в следующем. Передовое поколение, жадное до новшеств, не могло стоять в стороне от прогресса. Электрогитары. Понятно, что заполучить в частное владение такую в то время было нереально, однако ушлые студенты додумались до суррогата в виде всунутого в барабан акустической гитары плоского пластмассового микрофона, подключенного к усилителю и динамику. Звук был корявым, однако это и придавало залихватский акцент общему.

Итак, звучала последняя композиция «Эх, тачанка-ростовчанка» – относительно патетики не обессудьте – теперь весь кагал торжественно выводил «гордость и красу» (сельсовет, не отставая от Ивана Ильича, помпезно подвывал, «Ивушка» подтягивала непринужденно), пространство было залито оптимизмом. Миша улыбочиво торчал за импровизированными кулисами – все кроме исполнителей находилось в партере – предстояло объявить окончание концерта.

Уже с полчаса происходила катавасия со светом: лампы (по указанию начальства применены были мощные) то принимались мигать, то падали в неприличное мерцание, либо вновь отчаянно раздувались, – вещь знакомая: деревенские подстанции, неровное напряжение. «И врагам поныне снится, разудалый и крутой...» – гремел сводный хор. И где-то на «крутом» помещение вдруг неистово озарилось точно сполохом и, преодолев жутковатую инерцию угасания, погрузилось в кромешную тьму. Голоса синхронно остановились, возникла странная тишина. Нет, тишина почудилась наскоро, на самом деле нечто потрескивало, свербело, и этот нелепый звук, казалось, перемещался в пространстве, то идя снизу, то резво шуруя с потолка. Разумеется, первый подал голос Иван Ильич:

– В гробину же мать тебя ити! Подстанция, чтоб ее!.. Не расслабляемся, товарищи, думаю, сейчас восстановится!

В голосе, однако, слышалась тревога, возможно, смущал этот порхающий треск. Словно по заказу он прекратился – теперь воцарилась совершенная тишина, которая почудилась зловещей. Все враз загомонили, зашевелились, повскакали.

Увидели: угол сцены трепетно озарился – там стояло пианино, за ним что-то происходило. Догадка, охватившая всех, подтвердилась тотчас – из-за инструмента ухватисто вынырнул язык пламени и лизнул белый задник, он же экран, отделяющий сцену от кулуаров. Огонь будто опал на мгновение и тут же рьяно и широко пополз к потолку.

Допустимо сказать, возникшей панике способствовал коварный мрак, который почему-то не особенно умирало резво разраставшееся зарево. Все поступали вразнобой: ансамбль рассыпался – кто соскочил в партер, кто метался по сцене – то же самое происходило с народом внизу. Фирсов бросился в эпицентр, тушить, за ним Зазулин, еще кто-то, – куда там, пожар бушевал. Да и чем гасить? Иван Ильич орал относительно огнетушителя, однако неизвестно где тот находился, да и вряд ли уже способен был помочь. Это метание организовало всполошенные, юркие тени, что добавляло жуть в общую картину.

Ужаса добавило то, что оказались заперты двери – так Таисия Федоровна велела Мише с мотивом не пускать посторонних, а он оставил ключи в обычной одежде, которая висела в помещении за сценой, и таковое было насмерть отсечено огнем. В довершение, окна были закрыты ставнями – обычная вещь во время киносеансов и концертов, дабы изолировать внутренность от света и бесплатных зрителей. Пока их открывали, пока Витя Куманин высаживал двери, пламя распоряжалось уже половиной домины...

Этот обрушившийся мрак, смешение чувств, Миша прынул в зал. Здесь царил суматоха – его пихнули, бесхозное женское тело уронило, парень согнулся поднимать. Кутерьма, свалка, паника. Дурной визг, ор, кашель и хрип резали уши. Картина происходящего была завидно сумбурна: слышались истерические команды и возгласы, кто-то что-то крушил, в клу-

бах пламени и дыма – старое, пропеченное ветрами строение взялось, как трут – мельтешили неузнаваемые тела, падали, путаясь в непривычных нарядах.

Вдруг Михаил увидел, некая фигура метнулась к сцене, в самый очаг – Маша, вне всякого сомнения – следом другой организм, Семенов различил шикарный костюм, Герасим. Мария уже вскарабкалась на сцену – впоследствии она мотивировала поступок тем, что вознамерилась спасти скрипку Марианны (та визжала в истерике: «Гады, верните инструмент – ему цены нет!»). Возможно, пастух хотел предотвратить ее опрометчивость – такое позже просматривалось в осмыслении происшедшего Семеновым – но весь ход развития событий не позволил в те мгновения допустить, что Герасим способен на что-либо положительное. Едкий и слепящий дым, общая опасность и бесподобный ажиотаж, кратко говоря, чрезвычайное воспаление нервов заставили характеризовать действия вокалиста как покушение. И действительно, Герасим грубо уронил Машу, подмял под себя – никак иначе это не выглядело. Голова Семенова взорвалась. Ринулся. Под руку попал стул, таковой опустился на затылок воздушного акробата.

Мишу поразил кашель и нестерпимый жар. Он озлобленно стащил обмякшего врага и повернул лежащую лицом вниз Марию. Та от прикосновения Герасима и общей обстановки состоялась лишена сознания, безвольное тело было покорно, Михаил с трудом, заметим, и неловко принялся взгромождать его на плечо. Однако сверху сорвалась пылающая кулиса и плавно опустилась прямехонько на голову девушки. Семенов неаккуратно, где уж тут расторопность, бросил туловище на пол и принялся сбивать огонь пиджаком – ей богу, у нее зашлись волосы... Пламя унялось. Уже не имея ни возможности дышать, ни сил, чтобы поднять, Семенов нехорошо, не зная за что ухватить и стаскивая одежду, как мог поволок тягучее существо – скорей, извлечь из пробирающего пекла. Он уже ничего не видел, действия вершились инстинктом... Сумел бы завершить дивертисмент парень самостийно? – неизвестно, однако его подхватили, как и пострадавшую – дверь к тому времени уже распахнули.

–

Подбиваем баланс... По гамбургскому счету, город остался без определенного сегмента искусства, которым намеревался обеспечить его актуальный населенный пункт. Счет приватный: клуб сгорел начисто, обзавелись обугленным трупом Герасима. Ожоги разных степеней получили шестеро: у Марии очень серьезно было обожжено лицо, справедливости воздать, красота пошла насмарку (Марианна выскочила целехонькой одной из первых – ну, скрипка, тут не до материй); такой же стадией ожога – руки, главным образом – получилась наделена Таисия Федоровна (какой веселенький тандем); рыжий студент, спасая набедокуривший аппарат (не находилось сомнения, огонь возгорелся вследствие замыкания в механизмах – трансформатор и усилитель – к которым змеились провода самодельной электрогитары студентов) хорошо повредился; приобретения остальных смотрелись менее впечатляющими. Миша разжился приличным отравлением и, похоже, несколько попятился умом, ибо периодически впадал в беспамятство и горячечно бормотал: «Антея арестовать». Новенькая районная больница, обслуживающая пару десятков селений, была плотно оккупирована нашими (здесь еще присутствовал Саша Старицын, Светка уже отлучилась). «Леший завелся, не иначе», – проницательно выразился по этому поводу главврач.

На второй день после приключения Иван Ильич жестоко напился и сидя перед стаканом с безумным взглядом повторял фразу, сказанную накануне катастрофы в избе Боковых: «Да гори оно синеньким...» На третий в деревне поселился городской следователь.

Ну что, маховик берет подлинно нешуточные обороты. Куда уж взять – натуральный следак: где видано, чтоб в селе проводили столь капитальные мероприятия сыскного качества.

Итак, старший лейтенант Соловьев Андрей Павлович. Право, к двадцати пяти годам парень сложился недюжинным. Ревностный спортсмен, отменной культуры представитель и умница. Данные проявились сходу: несколько замысловатых дел Андрей освоил коротко после

юридического, – вот и теперь подполковник Ушаков, начальник отдела, друг и сослуживец как Соловьева старшего (недавно почил от изношенного сердца) так и фронтовой сотрапезник Ивана Ильича Фирсова по скорбной просьбе председателя отрядил молодца – молочко парное, то, се.

Были опрошены очевидцы. Все чин-чином, самолично заходил в дома – список представлен председателем – ноги тщательно вытирал, стильную кепку, купленную в заграничной поездке, учтиво снимал на пороге. «Благодарствуйте, от пирожка не откажусь, чрезвычайно аппетитно выглядит снедь», «уж не обижайтесь, я только отведавши у Куманиных, – ей богу, с полным наслаждением, но сыт по горло». Улыбкой, прощаясь, облагораживал, руку тряс деловито и уважительно. «Весьма полезные сведения, благодарен за сотрудничество крайне». Танюшку по голове гладил, об успеваемости осведомлялся; узнав, что пигалица прельщена ботаникой, рекомендовал подумать об университете: «Шикарные преподаватели, многое способны передать». Выведаль, у кого стибрила текст записки – это в деревне вирши вызвали ажиотаж, в городе-то такие штуки проделывал каждый пятый. В поезде нечаянно подслушала. Опять глаженье головы... Ни единый мускул не выдал истинных чувств на сообщения одно другого диковинней. Например, у некоторых – тетя Паня и Ершов – ключевую позицию в сложившейся структуре вещей возымел Антеус. И только после Миши Семенова (тот, понятно, умолчал, что саданул Герасима по голове – иных свидетельств в том угаре быть не могло) убежденно процедил: «Дурдом».

А между тем в народе рвение Мишки вызывало разночтения: парень либо головой рехнулся (Нюся, само собой: «бодливой корове бог рога не дал»), либо здесь и впрямь скрупулезное расследование (тетя Паня, понятно) – сепаратность сложилась напополам (случились и нейтральные). Стоит тем самым на эпизоде дознания Михаила дыхание задержать.

Переступив порог, Андрей наткнулся на согбенную и сморщенную старушку со сбитым платком на голове, претендующую на соболезнавание – матушка нашего персонажа, натуральная-то жизнь от Эдемов далека, отсюда и крестим лбы.

– Мир дому, здорово живете!

Тетя вернула отнюдь несварливой скороговоркой:

– Живем не на радость, и пришибить некому.

Андрей понимающе хехекнул.

– Семеновых изба? Я следователь из города. К Михаилу череда вопросов.

– Присаживайтесь, – посоветовала дама, расторопно и звучно выцарапав табурет из-под стола. Визгливо базнула в закрома: – Мишкя! По твою душу!

Уж слышался скрип половиц в горнице, в открытой двери показалась угрюмая фигура в калошах и носках, куда аккуратно вправлены были пожившие брюки – видать со двора только, работал. «Кх, кх – протянул руку, – Семенов Михаил». Уселся через угол стола, Миша вперился в начальство, то обошло комнатенку вежливым и вместе милостивым осмотром. Зрак задержался на орнаментных корешках книг, нижняя губа дрогнула. Взор нехотя отомкнулся, товарищ приступил:

– Ну, вы понимаете мою задачу. Я многих опросил, знаю, что вам досталось, потому учредил посещение на крайность.

– Понимаю превосходно.

– Что можете сообщить?

Миша всем видом показал, что сообщить имеется что: голова, к примеру, чуть склонилась, четко сыграли желваки, емкий взгляд притом на мгновение не отпустил лицо напротив. Вслед этому докладчик соорудил порядочный вздох, губы разомкнулись. И неожиданно осуществился абордаж: вытер кулаком нос, нервно ощерился.

– Вот что. Я в милиции служил, вы не подумайте – знаком с методами. Да и читал, уверяю... – Глаза налились надеждой на доверительность и отображали просительное чувство. – Выпьем. Имею армянский коньяк.

Последнее произнес конфузливо, комкано. Андрей даже переспросил:

– Армейский?

– Армянский, – петушась, пискнул Миша. – Существует такая республика.

Следователь коротко улыбнулся и задумчиво вытянул губы. Смирненное выражение глаз визави и эта мальчишеская сбивчивость подкупали, с другой стороны «знакомство с методами» и предложение явило некоторый компромисс. Качнуло такое: на гражданине, судя по всему, многое сходилось.

– Собственно, почему нет, – сообразно воззрился в коллегу Андрей.

После ловкого препарирования атрибутики – «мамань, там что-нибудь собери!» – и живописного опрокидывания мензурки (Андрей высосал содержимое вдумчиво) Михаил выразился:

– Значится, так. Дело серьезное. Допускаю происки международного соотношения. – Он сощурил глаза. – Французская революция, вот что меня беспокоит в самой высшей степени. Понимаешь, на одной из репетиций Герасим применил зарубежную речь. Именно – французского склада.

Михаил выложил все от и до. И про загадочное поведение быка Антея – вы помните, что прислали скотину из Франции? – и про книгу, которой хлопал Герасим перед самым носом разведчика. А Самотнов – это ли не улика? И откуда вообще взялись столь своевременные вокальные данные?.. Было упомянуто и относительно бредня, на который Герасим явно имел посягательство, и много прочего. Ванька Бык – разве не очевиден резидентский наклон событий?

– Ты что, полагаешь, и этот определенным образом причастен?

– А Сану Старицина кто оттрепал? – зажегся мстительный взор Мишеля. Он, важно наклонив голову, разлил. Ловко метнул заряд в рот. Тяжело посмотрел на собеседника. Пульнул запасом Арчи Гудвина, понимая, что здесь оценят: – Головой ручаюсь...

Уселась замечательная мысль: не-ет, Михаил Семенов, несомненно, исследовательских достоинств человек. Фантомас, таким образом, вы уместны: есть основания полагать, что парень все-таки «разнюхает это дело... в два счета». Идею несколько отстранил Андрей:

– Стоит, конечно, обо всем тщательно подумать, однако на практический взгляд... – Следователь скептически повилял ладошкой... А вскоре и попрощался.

От всей этой детективной муры отвадили еще на втором курсе, стало быть, нечистью и прочими штучками дедуктивного свойства горожанина взять было непросто. Что еще за Фантомас! Кто такой на ощупь и каких конкретно параметров – у нас так. Совпадения с записочками? – мутота, уже доказано. Смущало одно – конкретное явление умопомрачителя перед церковью. Население утверждало в голос – имело случиться. На общее помутнение это явно не катило, ибо положительно, пироги были вкусными. Одним словом, пожар, вот насущная опора исследования.

Материала, однако, не хватало: Маша Бокова пребывала пока не в надлежащем состоянии, студенты и Марианна уехали в город. Следом через пару дней сбора информации отбыл и лейтенант. Вернулся обратно через неделю для исполнения мелких формальностей и с уведомлением о раскрытии дела.

Кулебяка оказалась в том, что Фантомаса у церкви изображал один из студентов. Идиотизм вот где, они совершенно не владели понятием о посланиях... Злодейскую атрибутику ребята применяли еще в городе. Захватили затею в колхоз, резонно подчиняясь науке не пропадать добру и питаюсь озорными побуждениями пощекотать сельчан. Лошадью воспользовались хозяев, у которых жили. Правда, и тут сложился вензель – ввечеру и на иные сутки именно

после забубенного дефиле натурального всадника растащил адский понос, дело дошло до медчасти и пилюль. Удивительно, что никто из приятелей заболеванием не пострадал, хоть питались сообща в столовой. Еще зигзаг, изображал злодея как раз рыжий Олег, тот, что окажется впоследствии туго причастным к пожару, собственно, от него и получивший. Да не станешь же подобные улики приобщать к делу... Иначе сказать, пожар и прочие страсти имели незлонамеренные основания и клонились закончиться порицаниями административного порядка... Однако не тут-то было – по возвращению в село Андрей нагрузился отпетым оборотом вещей.

В сухие октябри, это широко известно, доводятся ночи того дивного накала, когда мгла насыщена и тебе тревожно печалью и потенциалом пикантных поступков, что сулят вообще ночные дозы времени, и прочими разнообразными фрагментами бытия, неразличимыми глазом, и, получается, отлично воспринимаемыми сердцем. И как на заклад, в ту знаменитую ночь месяц скалился особенно сардонически, звезды мигали столь предостерегающе, что лохмотья облаков то и дело замарывали их непристойное домогательство. Отчетливая прохлада хорошо студила душу, и жизнь представлялась далеко не последним занятием. Миша Семенов вкрадчиво передвигался по природе.

Не грех предварить, что после стихийного бедствия дружище приобрел замысловатый и тревожный сон. Настоятельно чудились быки, носороги и другая рогатая фауна. Поскольку у Рекса Стаута и прочих изобретателей детективного арсенала, коим владел Миша, никаких рецептов и смахивающих на происходящее ситуаций не существовало, наш приятель ударил думать сам. Выяснилось, что сие отнюдь не безобидно. Да и как не сломаться голове, когда и официальный представитель сыскных органов обнадеживающей наружности не умеет осилить очевидные факты и скептичен досуха. Посудите, проигнорировать столь мощные доказательства, не удосужиться даже осмотром Герасимова логовища, да что уж, не соорудив ни одной очной ставки и перекрестного допроса, легкомысленно отбыть. Миша вздыхал: факт, выдалась миссия. В общем, мысль о том, что Геркин кров надо тщательно обследовать, давно мытарил голову. А тут подвернулось.

Снился очередной буйвол, либо какая-то дрянь из отряда бизонов, рядом некий вертявый матадор в плаще, подозрительно похожем на тот, что укрывал Пресловутого у церкви, когда все тело встрепенулось – это было понятно по гулкому эху нервов, так беспричинно взрыхливших тело – глаза отчаянно разверзлись, и наступила замечательная ясность мозга. Редко когда происходят такие психофизиологические передряги, ибо чувства, коими они спровоцированы, сомкнуты в узел до той стадии, что не извлекаемы анализом и являют единственно импульс действия.

Итак, венец природы одержимо подступал к ферме. Было совсем безветренно, и гулкая пустота, казалось, имела нужную абсолютность и покорное достоинство. Пологие строения нахлобучились во тьме несколько тревожно, глухой трелью роптала блудливая лягува, замечательно ударял в нос запах навоза, кирза вязко и глубоко чавкала. Руку холодила верная сталь гвоздодера (понятно, что ключ лежит над притолокой, за окладом, однако иметь под рукой нечто железного характера – кредо Арчи). Затявкала местная собачонка Жулик, но, вспомнив, вероятно, что Герасим в отсутствии и уяснив напраслину, обиженно смолкла – на ферме после пожара обретался в качестве сторожа основательно задержавшийся в жизни Митрич, однако его даже собаки серьезно не воспринимали.

Хочется отметить, что в течение поступи на гражданина навалилась тонкая лирика, в груди терлись приятные ноты и выше лежала круглая мысль, что повинность, которую отбывает в подлунном заведении его личность, достаточна весьма уже посещением подобных минут. Это загадочное настроение подсказывало человеку, что возложенный урок будет сделан на твердую оценку, и актуальное производство душевных дел исключительно гармонично соответствует

совокупности имеющихся в виду организма, фигурирующего как Семенов, природы, времени суток и окружающих обстоятельств.

Михаил осторожно и бесшумно отковырял замок Герминой пристройки. Зажег китайский фонарик (гордость, конфискат милицейской поры), луч, стремительно перерезав весь объем и чуть задержавшись в размышлении, автоматически скользнул в угол к афише. Та непорочно и равнодушно заблистала в неровном свете, точка (тоже гордость сыщика, острый свет считался доблестью) исказила картинку. Миша подошел, переключился на рассеянный, сунулся внимательно вглядываться.

Надо сказать, узнать Герасима было неспособно по той простой причине, что двое «братьев Самотновых» имели на лицах маску сродни той, что укрывала мистера Икса в известной оперетте Кальмана. Собственно, являлось очевидным, что трюки стилизованы под сказанного героя – братья стояли в красочных позах на трапеции и имели одеяния, много воскрешающие персонаж (в отличие от Икса цвета были шикарнее, блузы более открытые), собственно об этом подмигивало и название номера, оно выглядело так: «ВОЗДУШНЫЕ АКРОБАТЫ XX века». Неспроста разность шрифтов... Оп, мелькнула грозная мысль, как там поживает популярный Георг Отс? Верно вот где выращены вокальные достижения Герасима. Черт, любопытно взглянуть на подлинное выступление коварных акробатов XX... Четко заискрило в сознании – «Буаля». Еще на том randevу поразился он применению Гермой этого словечка. И дальше: «Вельможа...» Вот откуда, из арии мистера.

Подумал включить свет – он знал, что Митрич расположился в сторожке, откуда здешний ракурс недосыгаем, да и наверняка дрыхнет – однако вспомнил, что лампочка Герасима маломощна. Да и сама приватность предприятия склоняла к скромности. Вещдок, следовательно, был рассмотрен самым почтительным образом домашними средствами.

Следующим поступком случилось исследование библиотеки усопшего. Миша отчетливо помнил, в какой закут лазал Гера, когда демонстрировал образование. Сунулся – ага, рука нащупала фолиант. «Капитал». Миша с досадой пустился шарить – только густая пыль любезно липла к пальцам.

Рассеянный конус медленно отправился по утым пенатам. Непроизвольно и надежно – надо думать, движения Герасима отложились – сдержанные шаги приблизили тело к неприятельной тумбочке. Дверка отворилась, замерцала двадцатилитровая бутылка. Брага. Свет замер, кадык Михаила звучно прогулялся по горлу... Нет, не время. Дверца нехотя скрипнула, намереваясь вернуться, и... замерла. Зрение напряглось, в углу, затененный весьма стоял сосуд. Михаил сел на корточки, приблизил фонарь, аккуратно достал предмет, водрузил на уровень глаз. Притягательно замерцала невиданная бутылка, в ней качнулась уровнем немного ниже половины жидкость. Семенов вперился в этикетку, она гласила о коньяке марки «Наполеон». Ничего похожего даже при своей практической милицейской бытности парень не наблюдал. Стало понятно, что посещение получилось результативным. Миша осторожно зашевелил изящную пробку, уступив наросту усилия, она выюркнула со смачным пуком. Товарищ поднес к ноздре вход, содержание дохнуло щекоотливным ароматом. Откинул голову, смотрел критически и неподвижно. Решился, язык обожгла терпкая, вкусная жидкость. Пробка теперь легко вошла в стеклянное горло, сосуд был бережно поставлен на плоскость тумбы. Голова с энтузиазмом сунулась в закрома. В итоге были извлечены: Советское шампанское (непочатое), ликер «Кофейный», вино «Варна», вино «Рымникское» (тронуты в разных пропорциях).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.